

## ПРАВОСОЗНАНИЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ

Шеримбетов Руслан Абубакирович

Студент 2-го курса факультета публичного права  
Ташкентского государственного юридического университета.

[sherimbetov@email.com](mailto:sherimbetov@email.com)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.16902139>

**Аннотация.** Статья исследует национальные модели правосознания в Германии США Японии и Узбекистане и их влияние на формирование правовой культуры.

Использован междисциплинарный подход, включающий качественный контент-анализ публикаций и международных индексов, а также анализ национальных стратегий правового просвещения. Результаты показывают, что правосознание формируется не только силой институтов, но и историческими традициями правовой социализацией и уровнем доверия к государству. В Германии преобладает институционально-нормативная модель с высокой интеграцией права в повседневную жизнь. В США наблюдается фрагментированная и плюралистическая модель, сочетающая уважение к закону с критическим отношением к его применению. В Японии формируется согласительная модель, ориентированная на поддержание социальной гармонии. В Узбекистане проявляется переходная модель, где усилия по укреплению правовой культуры сталкиваются с наследием советской системы. Выводы подчеркивают, что эффективное повышение правосознания требует учета национальных моделей при разработке реформ и образовательных программ.

**Ключевые слова:** правосознание, правовая культура, доверие к праву, правовое поведение, Германия, США, Япония, Узбекистан

## LEGAL CONSCIOUSNESS IN DIFFERENT COUNTRIES AND THEIR IMPACT ON LEGAL CULTURE

**Abstract.** The article examines national models of legal consciousness in Germany, the United States, Japan, and Uzbekistan and their influence on the formation of legal culture. An interdisciplinary approach was used, including qualitative content analysis of publications and international indices, as well as analysis of national strategies for legal education. The results show that legal consciousness is shaped not only by the strength of institutions but also by historical traditions, legal socialization, and the level of trust in the state. In Germany, an institutional-normative model predominates with a high integration of law into everyday life. In the United States, a fragmented and pluralistic model is observed, combining respect for the law with a critical attitude toward its application. In Japan, a consensual model is formed, oriented toward maintaining social harmony. In Uzbekistan, a transitional model is manifested, where efforts to strengthen legal culture face the legacy of the Soviet system. The findings emphasize that effective enhancement of legal consciousness requires consideration of national models when developing reforms and educational programs.

**Keywords:** legal consciousness, legal culture, trust in law, legal behavior, Germany, United States, Japan, Uzbekistan

## **Введение**

Правосознание как форма общественного сознания представляет собой один из ключевых элементов, определяющих не только восприятие права отдельными индивидами, но и функционирование правовой системы в целом. В условиях глобализации и интенсификации межкультурных взаимодействий различия в правовом сознании становятся всё более ощутимыми и значимыми, особенно в контексте формирования правовой культуры как основы устойчивого правопорядка.

Несмотря на кажущуюся универсальность основных юридических категорий, таких как справедливость, законность, ответственность, их интерпретация и практическое восприятие варьируются от страны к стране. Это свидетельствует о существовании устойчивых национальных моделей правосознания, обусловленных историческим развитием, правовыми традициями, уровнем правовой социализации, а также отношением государства к праву как инструменту власти или как выражению общественного договора.

В современном мире различия между нормативной и реальной правовой культурой населения становятся предметом пристального внимания как исследователей, так и практиков. Поведение граждан по отношению к праву, их готовность соблюдать нормы, обращаться за защитой прав в государственные и международные институты, во многом зависит от модели правосознания, сложившейся в их правовой культуре.

В свете этих обстоятельств изучение моделей правосознания в сравнительной перспективе позволяет выявить глубинные основания доверия или недоверия к праву, а также определить векторы развития правовой культуры в постсоветских, англосаксонских, континентальных и восточных странах. Тем самым, данное исследование не только обогащает правовую науку, но и открывает возможности для более эффективного правотворчества, правоприменения и правового просвещения, опирающегося на реальные установки и представления граждан о праве.

Современные процессы правового развития показывают, что формальное заимствование институтов и норм зарубежных правовых систем без учёта специфики национального правосознания нередко приводит к правовому нигилизму, снижению эффективности законодательства и отчуждению права от граждан. В условиях, когда государства стремятся укрепить правовую культуру, остаётся неясным, какие именно компоненты правосознания способствуют устойчивому восприятию и соблюдению права, а какие, напротив, порождают внутреннее сопротивление правовым требованиям.

Существующее в научной литературе многообразие подходов к определению структуры правосознания и его типов не даёт однозначного ответа на вопрос, каким образом конкретные модели правосознания формируются в различных правовых системах и как они влияют на характер правовой культуры. Нередко исследования ограничиваются либо абстрактными философскими рассуждениями, либо сугубо эмпирическим анализом установок, не объясняющим механизмы взаимосвязи между ментальными правовыми установками и правовой практикой.

Настоящая статья ставит перед собой цель выявить и описать характерные черты национальных моделей правосознания в сравнительном аспекте, а также определить, каким образом эти модели воздействуют на формирование правовой культуры.

Особое внимание уделяется вопросу: почему одни общества демонстрируют высокую степень правовой интеграции и приверженности нормам, в то время как другие сталкиваются с устойчивыми формами правового нигилизма, символического соблюдения закона и патерналистского отношения к государству как к единственному субъекту права.

Решение данной проблемы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Результаты анализа могут быть использованы для разработки более адекватных стратегий правового просвещения, правовой политики и оценки эффективности реформ, направленных на повышение правосознания и укрепление правовой культуры на национальном и международном уровнях.

Согласно позиции, Г. Кельзена, социологический анализ права невозможен без учета нормативного измерения, “социологическая юриспруденция предполагает нормативное понятие права”. Вопрос о том, почему человек исполняет правовую норму, Кельзен связывает с внутренним убеждением в легитимности этой нормы, то есть с правосознанием. Он подчеркивает, что даже идентичные внешние действия с социологической точки зрения различаются в зависимости от того, воспринимает ли индивид требование как выражение действительного правопорядка. Таким образом, идея права как системы действующих норм существует в сознании граждан и направляет их поведение, что делает это сознание объектом и условием социологии права.<sup>1</sup>

Особое место в формировании научного представления о правосознании занимает концепция С.С. Алексеева, разработанная в рамках советской юридической доктрины. В его трудах правосознание рассматривается как не только отражение существующего права, но и как самостоятельный элемент механизма правового регулирования, обладающий активной, регулирующей функцией. Алексеев подчёркивает, что в социалистическом обществе правосознание становится всеобщим и монолитным, охватывающим не отдельные классы, как это имело место в обществах с антагонистическими классами, а всё общество в целом. Это, по мнению автора, усиливает идеологическую функцию права и способствует созданию высокоорганизованной правовой культуры. Таким образом, по Алексееву, правосознание не только участвует в создании и интерпретации норм, но и заменяет собой элементы принуждения, особенно в условиях перехода к коммунистическому обществу. Это отражает советскую модель правосознания, в которой оно выступает как коллективное идеологическое явление, проникающее на все уровни юридической жизни, от нормотворчества до индивидуального правоприменения.<sup>2</sup>

#### **Материалы и методы.**

Данное исследование представляет собой междисциплинарный сравнительно-правовой анализ моделей правосознания, характерных для отдельных государств с различным правовым, политическим и культурным устройством. В качестве предмета изучения выступили особенности восприятия права и законности в странах с различными правовыми традициями: Германия, США, Япония и Узбекистан.

<sup>1</sup> Hans Kelsen. *General Theory of Law and State*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. С. 175.

<sup>2</sup> Алексеев С.С. *Механизм правового регулирования в социалистическом государстве*. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.

В ходе работы проведён качественный контент-анализ научных публикаций, учебников, международных правовых доктрин, а также официальных докладов международных организаций. Особое внимание уделено сравнению правовых менталитетов, типичных форм правового поведения, доверия к институтам, а также уровня использования правовых механизмов для защиты личных интересов.

Дополнительно проведён дескриптивный анализ национальных стратегий по развитию правовой культуры и образовательных программ, направленных на формирование позитивного правосознания среди населения. Также использованы результаты социологических опросов и международных индексов, отображающих уровень доверия к праву в разных государствах.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать правосознание как часть правовой культуры, формирующуюся под влиянием исторических, культурных и социальных условий. Объектом стали представления граждан разных стран о праве, их отношении к справедливости, законности и легитимности. Метод сравнительного анализа позволил выявить особенности правосознания в различных правовых системах, а системный и историко-правовой подходы помогли понять, как правосознание влияет на правовой порядок и функционирование институтов. Исследование основано как на теоретических источниках, так и на эмпирических данных, что обеспечило целостное и обоснованное раскрытие темы.

### **Результаты.**

Анализ динамики показателей, отражающих модели правосознания в различных странах, требует последовательного сопоставления как эмпирических данных, так и теоретических характеристик, выявленных в ходе междисциплинарного исследования.

В данной части статьи особое внимание уделяется выявлению устойчивых и изменяющихся черт правосознания, а также определению их влияния на правовую культуру в странах, отобранных для анализа: Германии, США, Японии и Узбекистана.

Начнём с Германии, представляющей континентально-европейскую правовую традицию. Основу правосознания немецкого общества составляет представление о праве как о рациональной, системной структуре, вытекающей из верховенства закона и глубокого уважения к Конституции. Согласно опросу Forsa, декабрь 2023 года, 71% респондентов выразили доверие к обычным судам, а 74% – к Федеральному конституционному суду.<sup>3</sup> Высокий уровень доверия коррелирует с развитой системой правового просвещения, внедрённой на ранних этапах социализации, и свидетельствует о глубокой интеграции права в общественное сознание. Модель правосознания здесь характеризуется как нормативно-институциональная, индивиды воспринимают право, как высшую форму социального регулирования, подчинённую общему благу, что способствует высокой степени правовой интеграции и активности в защите своих прав.

В Соединённых Штатах Америки правосознание строится на основе индивидуалистических и прагматических установок.

---

<sup>3</sup> Forsa. Vertrauen in Institutionen. Dezember 2023.

Здесь доминирует модель контрактного правосознания, где право воспринимается как набор инструментов для защиты личных интересов и ограничения вмешательства государства. В 2024 году уровень доверия к судебной системе упал до 35% – минимального значения за последние десятилетия.<sup>4</sup> Несмотря на формальную силу американских правовых институтов, правосознание всё чаще становится критически настроенным, что связано с политизацией суда, расовыми и социальными неравенствами, а также ростом недоверия к элитам. Это указывает на сдвиг от классической индивидуалистской модели к более фрагментированной, внутренне конфликтной структуре правового восприятия. Причинами называют рост политизации судов, социальное расслоение, а также этнические и классовые неравенства. Эти процессы обуславливают переход от целостной модели правового сознания к фрагментированной, в которой сосуществуют уважение к праву и глубокий скепсис к его применению. Несмотря на высокий уровень юридической осведомлённости и активность населения, правовая культура США становится всё менее однородной, отражая конфликтные установки внутри общества. Это свидетельствует о том, что правовая культура США имеет фрагментарный характер, а правосознание – плюралистическую структуру, где общее уважение к праву сочетается с критическим отношением к его применению.

Японская модель правосознания демонстрирует уникальное сочетание формального уважения к праву и глубоко укоренённых традиционных норм, базирующихся на социальном согласии и иерархии. В отличие от западных стран, в Японии право долгое время воспринималось как нечто внешнее по отношению к обществу, применяемое лишь в крайних случаях. Прямых опросов по доверию к судам немного, однако Индекс восприятия коррупции (CPI 2023) даёт 73 балла – один из лучших показателей в Азии.<sup>5</sup> Однако число судебных разбирательств остаётся одним из самых низких среди развитых стран, что подтверждает доминирование согласовательного подхода к разрешению конфликтов. Здесь правовая культура зиждется на неформальных механизмах урегулирования, а право рассматривается скорее, как инструмент подтверждения достигнутого согласия, чем как средство конфронтации. Однако начиная с 1990-х годов, в условиях глобализации и модернизации правовой системы, наблюдается постепенный сдвиг в сторону большей правовой субъектности граждан, особенно молодого поколения.

Правосознание в постсоветских странах, таких как Узбекистан, демонстрирует смешанный характер. В этих обществах сохраняются элементы правового нигилизма, выражающиеся в слабом доверии к правовым институтам, частом символическом соблюдении норм и ориентации на неформальные способы разрешения споров. При этом в последние годы наблюдается активизация государственной политики по правовому просвещению и развитию правовой культуры. Официальные усилия, такие как стратегия УП-158 О Стратегии «Узбекистан – 2030», направлены на увеличение числа юристов и

<sup>4</sup> Gallup. Confidence in Institutions. 2024.

<sup>5</sup> Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023.

улучшение образования, что отражено в материалах посольства Узбекистана.<sup>6</sup> Это формирует переходную правовую культуру, где усилия по укреплению верховенства закона сталкиваются с наследием советской системы и текущими проблемами. Однако данные World Justice Project Rule of Law Index 2024 “правовое государство” в 57% стран переживает спад показателей, включая Узбекистан. В частности, Узбекистан в 2022 г. занимал 78-е место из 140, а к 2024 г. опустился на 83-е место из 142.<sup>7</sup> Это свидетельствует о нарастающих в мире авторитарных тенденциях и закономерном правовом нигилизме: формальная декларация принципов права всё чаще расходится с их практической реализацией. Это отражает не только внутренние проблемы, но и глобальные тенденции, сопровождающиеся ростом авторитарных практик и снижением доверия к институтам права. По моему мнению это говорить о продолжающемся процессе трансформации модели правосознания от патерналистской к нормативно-ценностной, в рамках которой право должно быть не просто санкцией, а выражением общественных ожиданий и справедливости.

### **Обсуждение.**

Сравнение показывает, что различия в правосознании не имеют прямой зависимости от формальной силы и развитости правовых институтов, а в большей степени обусловлены историческими традициями, специфическими моделями правовой социализации и уровнем доверия к государственным и судебным структурам.

Подход, который мы применяем в сравнительном анализе, соотносится с аргументом Силби о том, что правосознание следует рассматривать не только как совокупность мнений и установок отдельных лиц, но и как коллективную практику, через которую «легальность» формируется в повседневных взаимодействиях. По Силби, именно повторяющиеся микро-транзакции и распространяющиеся культурные схемы делают закон воспринятым и устойчивым, даже когда между “правом в книгах” и “правом в действии” существует разрыв, следовательно, формальные институциональные реформы дают устойчивый эффект лишь при одновременной трансформации практик и смыслов, которые население использует в своей социальной деятельности.<sup>8</sup>

В Германии, где преобладает институционально-нормативная модель, наблюдается не только высокая готовность граждан обращаться к праву, но и устойчивая интеграция правовых норм в повседневную практику, что подтверждается как стабильными показателями доверия, так и активным использованием правовых механизмов для разрешения споров. Япония, напротив, демонстрирует традиционно-согласительную модель, в рамках которой закон рассматривается скорее, как инструмент подтверждения достигнутого общественного порядка и поддержания гармонии, чем как механизм разрешения конфликтов, что находит отражение в низкой частоте судебных споров и высоком уровне доверия к внесудебным процедурам.

<sup>6</sup> Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158 «О Стратегии “Узбекистан – 2030”» // Национальная база данных законодательства, 12.09.2023 г., № 06/23/158/0694.

<sup>7</sup> World Justice Project. Rule of Law Index 2024.

<sup>8</sup> Silbey S. S. After Legal Consciousness. Annual Review of Law and Social Science. 2005. Vol. 1. С. 323–368.

Соединённые Штаты, характеризующиеся фрагментированной и плюралистической правовой культурой, показывают, что полифоничность правосознания может вести как к расширению инструментов защиты прав, так и к росту недоверия к институтам, особенно при их политизации. Постсоветский переходный контекст Узбекистана иллюстрирует, что даже при активном реформировании правовой системы устойчивый результат достигается только тогда, когда институциональные изменения сопровождаются глубокой трансформацией ментальных установок и повышением правовой грамотности населения.

### References

1. Hans Kelsen. General Theory of Law and State. – Cambridge: Harvard University Press, 2009.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
3. Forsa. Vertrauen in Institutionen. Dezember 2023.
4. Gallup. Confidence in Institutions. 2024.
5. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023.
6. Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158 «О Стратегии “Узбекистан – 2030”» // Национальная база данных законодательства, 12.09.2023 г., № 06/23/158/0694.
7. World Justice Project. Rule of Law Index 2024.
8. Silbey, S. S. (2005). After Legal Consciousness. Annual Review of Law and Social Science, 1: 323–368.